

Понятие войны в политическом реализме

С.А. Кучеренко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена пониманию войны в политическом реализме. Реализм претендует на оригинальное понимание войны, которое отличает его как от эмпирически-ориентированных исследований войн, так и от других школ теории международных отношений. В отличие от первых, политический реализм избегает формальных определений, делая акцент на понимании причин и сущности войны. Отличие реализма от школ теории международных отношений, таких как либеральный идеализм, марксизм, конструктивизм, заключается в утверждении вечного и неизменного характера политики, понимаемой как борьба за власть. Война является наиболее интенсивным проявлением этой постоянной борьбы, а потому не может быть окончательно устранена из международных отношений. В статье показано, какие нормативные выводы могут быть получены из такого понимания войны. Реализм в большей степени, чем пацифизм и теория справедливой войны осознает трудность нормативно-правового регулирования войны. Кроме того, реализм указывает на опасности, связанные с политическим морализмом и «криминализацией» войны. С другой стороны, реализм предлагает набор практических принципов, которые не превосходят классические принципы справедливой войны и обладают теми же недостатками: расплывчатость, сложность однозначной трактовки государственных интересов, возможность злоупотребления. Автор приходит к выводу, что для создания работоспособной системы принципов регулирования войны на основе политического реализма необходимо расширение его теоретических обоснований и дальнейшее сближение с другими школами теории международных отношений.

Ключевые слова: теория международных отношений, теория справедливой войны, теория демократического мира, политический неореализм, политический морализм, пацифизм, милитаризм, Моргентау, Уолц.

Кучеренко Сергей Анатольевич – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Кучеренко С.А. Понятие войны в политическом реализме // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 104–127.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-104-127

The Concept of War in Political Realism

S.A. Kucherenko

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article deals with the concept of war in modern political realism. Realism claims to have an original notion of war, which distinguishes it from empirical war studies and from other schools in international relations theory. Realism does not have a strict formal definition of war like empirical studies do, it focuses on understanding the causes and nature of war instead. The distinction between realism and other international relations theories like idealism, Marxism or constructivism consists in the realist notion of politics. Realism understands politics as an eternal struggle for power that underlies all social life, while war is the most intense manifestation of this struggle. Thus, the possibility of war cannot be eradicated. The article shows the normative aspects of such understanding of war. Realism, unlike pacifism or just war theory, is less enthusiastic about ethical or legal regulation of war; furthermore, it shows the dangers that may be caused by political moralism and “criminalization” of war. On the other hand, realism fails to provide a set of norms or principles that would surpass the just war principles. The realist principles of national interest and prudence are as vague, unclear and prone to misuse as classic just war principles are. Author draws a conclusion that to be able to create a valid set of principles of war, realism needs to further converge with international relations theory schools and “enlarge” the set of its base theoretical notions.

Keywords: international relations theory, just war theory, democratic peace theory, political neo-realism, political moralism, pacifism, militarism, Morgenthau, Waltz.

Sergey A. Kucherenko – postgraduate student, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanitarian Sciences, National Research University Higher School of Economics.

sergey.kucherenko93@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7644-9865>

For citation: Kucherenko S.A. (2020) The Concept of War in Political Realism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 104–127. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-11-104-127

Введение

Проблема определения понятия «война» является не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Интуитивное понимание наталкивается на сложности при попытке дать войне четкое определение. Особенно это заметно, если требуется отграничить войну «в узком смысле слова» от близких явлений, как то «бое столкновения», «восстание», «партизанская война», «холодная война» и т.п. В различных областях политических и социальных наук войну определяют и понимают по-разному. Мы рассмотрим, как понимает войну политический реализм – одно из наиболее значимых направлений в теории международных отношений.

Современный реализм возник в период между мировыми войнами как ответ на то, что получило название «идеализм». Идеалисты, среди которых можно выделить А. Циммерна, Н. Энджелла, Дж. Гобсона и В. Вильсона, были убеждены, что масштабные политические конфликты можно свести к неполитическим причинам: к экономическим проблемам, неправильным нравам или даже к нехватке информации. Отсюда проистекает возможность решить эти конфликты раз и навсегда путем создания международно-правовых институтов, правильного воспитания и удовлетворения экономических потребностей.

Реалисты, прежде всего Г. Моргентау, Р. Нибур, Р. Арон, Э.Х. Карр, полагали, что политические конфликты – конфликты по поводу власти – имеют причины, которые невозможно редуцировать до экономических, правовых или каких-либо других причин. Основание этих конфликтов лежит в несовершенной природе человека, который способен стремиться к власти как к самостоятельной цели. Это несовершенство человека невозможно устранить ни воспитанием, ни материальными благами, ни разумной системой права [Niebuhr 2013; Morgenthau 1997]. Политическая наука с точки зрения реализма должна начинаться с признания этого непреложного факта, а не с создания образа идеального государства или миропорядка, к которому следует стремиться.

Неспособность такого международно-правового института, как Лига Наций, обеспечить международную безопасность, достигшая кульминации во Второй мировой войне, привела к укреплению позиций реализма как в науке, так и в политической практике. Вершины популярности реализм достиг в 70–80-е годы XX века в варианте, получившем название структурного реализма,

главным представителем которого является К. Уолц. Хотя Уолц уходит от рассуждений о человеческой природе и смещает акцент на структуру международных отношений как главный источник конфликтов и войн, его основные выводы схожи с классическим реализмом. Война всегда возможна из-за особенностей структуры международных отношений, государства не могут доверять друг другу, а потом могут полагаться только на собственные силы.

В XX веке развитие крупных направлений теорий международных отношений велось вокруг вопроса, возможно ли предотвращение всех войн и каким образом [Vasquez 2002]. В то время как либеральные идеалисты полагали, что причины войн могут быть устранены, реализм занял более пессимистичную позицию и признал войны объективной вероятностью политики. В последние десятилетия мир переживает возрождение реализма, позиции которого сильно пошатнулись в 90-е годы в связи с распадом СССР. Неспособность США эффективно справляться с ролью мирового гегемона, укрепление России и Китая, отказ от некоторых аспектов глобализма, даже изоляционизм, в т.ч. самих США, – все это приближает современный мир к той модели, которой реалисты пользуются для объяснения мировой политики. Реализм при этом не остается исключительно исследовательской программой: такие политики, как Дональд Трамп или Виктор Орбан, прямо называют себя реалистами и претендуют на соответствующие действия. Дискуссии о возвращении реализма сильно поспособствовала и пандемия коронавирусной инфекции: некоторые увидели в ней вызов, который демонстрирует неэффективность международных институтов и показывает, что государства могут полагаться только на себя для защиты своих жизненно важных интересов [Бордачев 2020; Крастев 2020].

Такое возвращение реализма в теорию и практику закономерно влечет интерес к реалистическому пониманию войны. То, как в рамках теории понимается война, обуславливает как выводы о причинах войны и возможностях ее урегулирования, так и действия политиков, опирающихся в своей практике на положения политического реализма.

Определение войны в политическом реализме

Определение войны – важный элемент в ее исследовании, т.к. он позволяет определить границы предметной области. При этом общепринятая дефиниция войны отсутствует как в исследова-

ниях, так и в международном праве. На важность определения указывает Джон Васкез в работе «Пазл войны» («War puzzle»), где он сопоставляет ряд современных определений войны [Vasquez 2009, 21–28]. Общим местом определений, принадлежащих Х. Буллу, Б. Малиновскому, К. Райту, С. Бремеру и другим является понимание войны как организованного насилия (violence), которое осуществляют политические группировки. Аналогичное определение содержится в книге Б. Оренда «Война и политическая теория»: «Война – это жестокий (violent) конфликт между организованными группами людей, действительный, преднамеренный и широкомасштабный» [Orend 2019, 29–32]. Несмотря на все сходства, определения содержат тонкие различия, которые критически влияют на то, как они будут использованы. Так, Васкез отмечает, что определение С. Бремера, разработанное в рамках проекта «Корреляты войны» («Correlates of War»), устанавливает минимальный уровень жертв, причем учитывает только военных. Такое определение исключает значительную часть асимметричных войн. Определение Оренда, напротив, позволяет включать такие конфликты, но указанием на «действительность» исключает ряд феноменов, которые могут быть названы «торговые войны», «холодные войны» и т.п. О влиянии понятия войны на политическую практику пишет В. Белозёров, отмечая вслед за К. Шмиттом, что понимание войны влияет и на политику государства в мирное время [Белозёров 2018, 119].

В рамках реализма одной из трудностей в анализе понятия войны является то, что далеко не все реалисты приводят строгие дефиниции войны. В качестве примера можно привести «Политические отношения между нациями» Г. Моргентау [Morgenthau 1997, 657], «Человек, государство и война» [Waltz 2001, 262] и «Теория международной политики» К.Н. Уолца [Waltz 2007, 252], «Война и изменение в мировой политике» Р. Гилпина [Gilpin 1987, 271], «Трагедия политики великих держав» Дж. Миршаймера [Mearsheimer 2003, 554]. В них авторы избегают прямых определений войны. Как прослеживается в алфавитных указателях вышеперечисленных работ, война уже называется в конкретных контекстах – «война и национализм», «война и баланс сил» и т.п., но четких определений все-таки нет. Самые ранние упоминания войны в монографии Моргентау выглядят так, как если бы уже было понятно, что такое война [Morgenthau, Thompson 1997, 39, 47]. У Гилпина война фигурирует сама по себе в указателе, однако

обе страницы опять-таки содержат лишь упоминания о «войне между великими державами» и «разрушительности» войны в контексте ссылок на «Историю...» Фукидида [Gilpin 1987, 93, 163]. Такое умолчание любопытно в контексте того, что одним из главных предметов реалистов является вопрос о причинах и предотвращении войны. Впрочем, восприятие войны как чего-то почти очевидного присуще не только реализму: видные представители теории справедливой войны М. Уолцер и Дж. Макмэхен тоже избегают строгих определений.

Исключением из западных реалистов представляется Раймон Арон, который приводит в качестве определения войны цитату из Клаузевица: «Война является актом насилия, направленным на то, чтобы вынудить противника исполнить нашу волю» [Арон 2000, 71]. Это определение указывает не столько на материальные характеристики (вооружение, тип участников, количество погибших), сколько на *цель* войны. Другим объяснением войны является формула того же Клаузевица, гласящая, что война – это продолжение политики иными средствами [Клаузевиц 1998]. Эту формулу цитирует А.А. Кокошин [Кокошин 2013, 11–12], на ее актуальность указывает М.А. Хрусталеv, определяющий войну как вооруженный конфликт высокой интенсивности [Хрусталеv 2010, 113].

Итак, реалисты не придают большого значения формальному определению войны, делая вместо этого акцент на объяснении смысла войны и понимании ее причин. Тезис Клаузевица о войне как продолжении политики, столь любимый реалистами, подразумевает, что понимание войны зависит от понимания реалистами политики и политического. В рамках реализма существует две концепции политического. Во-первых, это понимание политики, как борьбы людей за власть, возникающей из присущей всем по природе жажды власти. Во-вторых, это представление структурных реалистов о борьбе за власть и могущество с целью обеспечения безопасности.

Ярчайшим представителем первого понимания политики является Ганс Моргентау, который видел в политике, прежде всего борьбу отдельных индивидов за власть друг над другом. Потребность во власти с его точки зрения возникала из потребности человека в преодолении собственных границ и личного контакта с другими людьми [Morgenthau 1962]. Организация людей в государства позволяет более эффективно реализовать

стремление к власти: руководители властвуют над основной массой населения, а рядовые граждане ощущают причастность к успехам своей родины [Schuett 2007].

Особенностью такого понимания политики является неустрашимая потребность в конфликте по поводу власти. Борьба за власть, как ее понимает Моргентау, не допускает компромиссов: если двое борются за власть, то получить эту власть может только один и только путем подчинения второго [Morgenthau 1997, 32–33]. В случае вышеупомянутой организации людей в государства потребность граждан во власти не устраняется и не подавляется, но переходит на более высокий уровень как потребность в гордости за успехи своей страны на мировой арене.

Война при таком понимании политики всегда весьма вероятна, потому что имеет неустрашимую причину. Этим реализм отличается от таких теорий, как либерализм и марксизм, а также от ранней политической науки, восходящей к утилитаризму. В рамках этих теорий политические конфликты являются интенсивным проявлением других конфликтов – экономических либо нравственных. Устранив причину этих конфликтов, можно будет устранить политику как таковую, сведя ее к грамотному администрированию. Путь к устранению всех конфликтов лежал в простых, как казалось, решениях. Требовалось создать справедливую или изобильную экономическую систему, правильно воспитать людей, объяснить, что война менее выгодна, чем иные способы решения споров и т.п. Так, Норман Энджелл в начале XX века полагал, что экономика Европы уже достаточно интегрирована, чтобы войны были экономически невыгодны, а значит, невыгодны в принципе – требуется лишь в полной мере осознать эту истину. С точки зрения марксизма войны были обусловлены экономическими противоречиями классового общества. В эпоху античности и в Средние века экономический рост требовал захвата рабов и плодородных земель. В.И. Ленин полагал, что в эпоху капитализма войны ведутся монополиями за источники сырья и рынки сбыта, – переход к обществу, в котором не будет классового различия, устранил причины войн между государствами [Ленин 1969]. Схожим образом причины империалистических войн объяснял английский экономист Дж. Гобсон [Hobson 1975].

Другой значительной теорией, противостоящей реализму, является теория демократического мира, восходящая к проекту вечно-го мира Иммануила Канта и существующая по сей день. Теория

демократического мира утверждает, что устройство государства и политический режим серьезно влияют на внешнюю политику, в т.ч. на вопрос об объявлении и ведении войн. Предполагается, что рядовые граждане не заинтересованы в войнах в такой степени, как политики и высшие чиновники, а потому демократические государства в меньшей степени склонны развязывать войны. Демократизация всех государств приведет к тому, что войн просто не будет. С этой теорией отчасти перекликаются утверждения Ф. Фукуямы периода конца 90-х годов, который видел в либеральной демократии политическое устройство, при котором природа человека сможет добиваться свободы и признания, не прибегая к насилию и войнам [Fukuyama 1992]. Основной проблемой теории демократического мира является сложность формального определения как демократии, так и войны. Нередко военные операции, проводимые демократическими странами, позиционируются не как войны, а как антитеррористические операции и гуманитарные интервенции, либо формально демократические государства, ведущие войны, объявляются неполноценными демократиями, которые лишь имитируют демократические институты.

Таким образом, реализм, ссылаясь на властолюбие человека, утверждает фундаментальный, почти первичный характер войны, связанный с реальным существованием политики как борьбы за власть. Другие теории допускают хотя бы *гипотетическое* устранение причин войн в будущем. Это воззрение связано с надеждой на то, что интересы одних людей не обязательно должны быть удовлетворены за счет других людей. Война в этом случае будет либо ошибкой, связанной с недостатком образования, либо вызвана трудностями, которые в принципе устранимы невоенным путем. В случае, когда интересом является власть, разрешение конфликтов подразумевает, что участники ни при каких условиях не могут быть удовлетворены все и одновременно.

Второй подход к политике в реализме делает акцент на системных факторах и широко представлен у неореалистов. Систему международных отношений характеризует анархия: в ней нет единого арбитра, который мог бы разрешать споры, эффективно принуждать к исполнению правил и предотвращать конфликты. В этих условиях государства могут полагаться только на собственные силы в вопросах безопасности и разрешения споров. Эта линия аргументации восходит к Томасу Гоббсу, который аналогичным образом мыслил естественное состояние человека.

Лишенный социальных связей и институтов, человек пребывает в постоянном страхе за свою жизнь. В естественном состоянии нельзя надеяться на соблюдение соглашений, нельзя надеяться на то, что доброта всегда будет вознаграждена. Таким образом, с точки зрения Гоббса, возникает потребность в создании единого центра власти, который будет гарантировать людям безопасность друг от друга, и будет принуждать их к соблюдению правил, которые понятны и известны каждому, но не могут быть соблюдены из-за неопределенности и рисков.

В теории международных отношений эта логика воспроизводится неореалистами, прежде всего Кеннетом Уолцем, который характеризует систему международных отношений прежде всего, как анархическую. В мировой политике государства могут полагаться только сами на себя, поэтому война или угроза войны является крайним, но весьма распространенным средством принуждения к соблюдению правил и обычаев. В условиях анархии государства постоянно попадают в так называемую «ловушку Фукидида» – надеясь защититься от возможной агрессии, они усиливаются настолько, что внушают страх соседям и провоцируют гонку вооружений, увеличивая масштабы возможной войны. Значительное количество теорий, разработанных в рамках неореализма, посвящены вопросу о том, какие именно государства и на каком этапе стремления к гегемонии решаются начать войну.

Даже если допустить, что человек миролюбив по природе, утверждают неореалисты, система международных отношений будет оставаться анархической, а потому войны будут происходить. Это связано с тем, что в мировой политике нет легитимной монополии на насилие, а потому государства вынуждены решать споры и гарантировать соблюдение договоров, опираясь только на собственные силы. Необходимо, однако, отметить, что неореализм менее пессимистичен, чем классический реализм, связывавший природу политики с природой человека. Вариант неореализма Кеннета Уолца, получивший впоследствии название «оборонительного реализма», допускает, что государства смогут избегать войн достаточно долго, если научатся верно оценивать, сколько могущества им достаточно для оборонительной войны, какой силой обладают другие государства и как они воспринимают друг друга. Иначе говоря, в рамках оборонительного реализма мыслима ситуация, в которой государства совершают раздел сфер влияния и сохраняют баланс сил в течение долгого времени.

Война в таком случае является результатом ошибок в расчетах. Другие неореалисты менее пессимистичны, в особенности Дж. Миршаймер, который отбрасывает понятие о «достаточном могуществе», поскольку в условиях анархии достаточным является только максимальное могущество в рамках системы.

Подведем промежуточный итог. Война в политическом реализме – это вооруженный конфликт политических групп, как и в классических определениях войны. Отличительной чертой реализма является особое понимание причин войны, на основании которого делается много выводов о том, как война может быть ограничена и предотвращена.

1. Война – продолжение политики иными средствами. Война возникает из конфликта интересов и является крайним средством их защиты. Интересы объективны, потому и возможность войны объективна.

2. Существует особый политический интерес – захват, удержание и преумножение власти. Этот интерес не может быть гармонизирован: только одно государство может быть самым могущественным в мире/в регионе, только одно государство может обладать конкретной территорией и т.п. Из-за невозможности разрешения подобных вопросов на основе системы правил, политические конфликты всегда стремятся к силовым действиям.

3. В международной системе не существует стабильных институтов, обладающих авторитетом, сравнимым с авторитетом институтов внутри государства. Точно так же нет инстанции, способной объявить себя «монополистом на насилие». Не только политические споры, но и юридические, экономические и другие раздоры между государствами не могут быть надежно разрешены. Война оказывается крайним, но допустимым средством для решения любых конфликтов.

Реалисты рассматривают мир как арену постоянной борьбы за власть, причиной которой является то ли природная жажда власти, то ли чувство небезопасности. Война в привычном понимании – лишь обострение конфликтов, которые существуют всегда и, возможно, никогда не будут разрешены или подавлены. Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что с точки зрения реализма «война есть самая неотменимая возможность мира». В известной степени реализму неведом мир в чистом смысле, в том смысле, в котором его мыслит И. Кант в трактате «К вечному миру», а именно, как состояние, в котором исключена воз-

возможность будущей войны. Для реалистов состояние мира – это передышка, возможность подготовиться к войне или провести стратегию сдерживания. Можно также сказать, что мир – это «война, осуществляемая менее интенсивными средствами».

Нормативные следствия из понятия войны в политическом реализме

Важной чертой реализма является его двойственный характер. С одной стороны, реализм претендует на то, чтобы быть беспристрастной наукой, которая описывает политику «как она есть». Еще Н. Макиавелли претендовал на такую объективность, противопоставляя себя нормативным теориям, которые исходят из представления о должном. Точно так же поступают реалисты первой половины XX века, противопоставляя себя либеральным идеалистам. Однако, как и Макиавелли, современные реалисты не способны удержаться в рамках описательной и объясняющей теории и используют свои представления о том, как устроена политика, чтобы указать, как следует поступать. В случае с Гансом Моргентау это осуществляется через представление об «идеальном политике», на чью точку зрения становится исследователь, чтобы не просто понять, но и *оценить* образ действия реальных политиков [Morgenthau 1997, 4–6]. Кеннет Уолц и прочие неореалисты, исследуя структурные ограничения международной системы, также указывают, как государству следует поступать, чтобы гарантировать свое существование и возможности достижения других интересов [Waltz 2001, 172–178; Behr, Heath 2009].

Это верно и в отношении войны. То, как реализм объясняет причины и устройство войны, является основой для того, как реализм предлагает поступать в случае войны или угрозы войны. Выше мы отметили, что особенностью понимания войны в реализме является акцент на ее политических причинах. Реалисты не дают формальных определений, которые бы выделяли войну на основании типа участников, минимального количества погибших и т.п. Они вводят понятие о войне как высшей стадии конфликта, который имеет политические причины, т.е. борьбу за власть. Было бы серьезным упрощением утверждать, что только политические конфликты могут достигнуть стадии вооруженного столкновения. Однако, предполагается, что неполитические конфликты могут быть разрешены неполитическими средствами, что делает войну, требующую крайнего напряжения сил, не-

выгодной. Политический же конфликт имеет особую природу, которая допускает и даже требует решения его с помощью насилия. Как отмечает Ганс Моргентау, политический конфликт возникает не из-за разногласия, которое может быть разрешено в рамках правил, но по поводу *содержания самих правил*, что лишает участников конфликта почти всех мирных средств к его решению [Morgenthau 2012, 94–95].

Утверждая реальность политики как особой сферы человеческой деятельности, реалисты резко противопоставляют себя нормативным теориям войны. Поскольку политика, понимаемая преимущественно как борьба за власть, существует объективно и имеет в качестве основания природу человека и/или международной системы, необходимо осознать, что вероятность войны всегда будет сохраняться. Это налагает определенные ограничения на нормативное регулирование войны.

В отличие от милитаризма и пацифизма, политический реализм не считает войну самостоятельной ценностью, как не считает самостоятельной ценностью и недопущение войны. Война может быть инструментом, но точно не чем-то, чего следует любой ценой избегать, либо искать. Пацифизм, с точки зрения реалистов, выглядит как набор ничем не подкрепленных лозунгов. Как отмечает В. Белозеров, аргументы пацифистов игнорируют субъект-субъектный характер политики, не принимают во внимание, что воли лишь одной из сторон недостаточно, чтобы избежать войны [Белозеров 2018, 116–117]. Исключение может быть сделано лишь для ограниченных форм пацифизма, которые допускают ограниченное применение силы в крайних случаях. Милитаризм в свою очередь выглядит как безрассудство, поскольку рассмотрение войны в качестве самостоятельной ценности подразумевает военные действия, которые не обязательно целесообразны с политической точки зрения. Реализм при этом нельзя считать какой-то промежуточной теорией на воображаемой шкале «милитаризм – пацифизм», которая не отрицает войну полностью, осознавая при этом опасность и нравственную проблематичность войны. В основании политического реализма лежит представление об интересе, понимаемом как власть, т.е. о том, что основной ценностью и целью политического является власть и могущество. Война, хотя и является неизбежной, должна подчиняться политической логике.

Интереснее отношение реализма к *теории справедливой войны*, которую иногда рассматривают как разновидность ограниченного пацифизма. Несмотря на то, что теории справедливой войны рассматривают войну как нечто морально негативное, их основной целью является определение ситуаций, в которых война допустима и даже необходима, и формулирование принципов, регулирующих боевые действия. Хотя нормативные теории такого рода существуют во всех культурах с древнейших времен, современные теории справедливой войны в большинстве своем восходят к христианской традиции, начатой Августином и серьезно переработанной и развитой в Новое время. Современная теория справедливой войны пользуется терминологией своих средневековых предшественников и во многом им следует. Нормы, связанные с войной, все так же подразделяются на допустимые поводы к войне и правила ведения боевых действий. Наиболее важно то, что теории справедливой войны допускают не только оборонительные и превентивные войны. В ряде случаев теория справедливой войны позволяет обосновать вмешательство в уже ведущуюся войну или внутренний конфликт. Иногда теория справедливой войны допускает вмешательство в ситуациях гуманитарных кризисов или для поддержки права народов на самоопределение [Moral Constraints... 2008]. В последних случаях теория приобретает отчетливый моральный характер.

Первое серьезное отличие реализма от теории справедливой войны заключается в акценте на реальное положение дел. Даже если принципы, которые предлагает теория справедливой войны, хороши, возникает вопрос, как обеспечить соблюдение этих принципов. В условиях, когда нет внешнего судьи, несоблюдение принципов может быть необходимо, чтобы не утратить стратегическое преимущество. Таким образом, должны быть изменены либо международная система целиком, либо сами принципы. К сожалению, рекомендации, которые дает реализм, имеют более расплывчатый характер, чем положения теории справедливой войны. Например, рекомендации Г. Моргентау сводятся к требованию подчинять внешнюю политику, включая военную, интересам государства, а также к *умеренности* [Morgenthau 1949; Morgenthau 1950]. Вопрос, как определить подлинные интересы государства и как узнать, где находится граница умеренности, остается открытым.

Политический реализм имеет инструменты критики политического морализма, которые частично применимы к теории

справедливой войны. Такие реалисты, как Г. Моргентхау, Э. Карр, К. Шмитт, указывают на то, что морализм всегда имеет скрытую сторону. Ценности, которые провозглашаются универсальными и объективными, оказываются частными ценностями определенных групп, а следование моральным принципам до конца создает риск нежелательных последствий. В монографии «Человек науки против политики силы» [Morgenthau 1974] Моргентхау подвергает критике либерально-демократическую систему ценностей, а также политическую науку, которая их поддерживала. Как утверждает Моргентхау, за претензией на объективность и изложением фактов нередко скрывается неосознанная пропаганда конкретной идеологии. Такой, с точки зрения Моргентхау, была либеральная политическая наука, рассматривавшая либеральные ценности и свободный рынок в качестве «нейтральных», везде применимых и, пожалуй, наилучших институтов для всех. Как отмечает Моргентхау, сторонники такого подхода стремились представить свободу рынка и индивида не просто как универсальную ценность, но даже как позитивный факт, который установлен политической наукой с помощью научного метода. Наиболее успешные государства – государства либеральные, иногда либерально-демократические. Но при этом игнорировались как неравномерность в применении либеральных принципов внутри этих государств, так и связь их благосостояния с весьма агрессивной внешней политикой [Morgenthau 1974, 52–58]. Как подчеркивает Моргентхау, свобода рыночных отношений, свобода слова и печати и другие свободы в наибольшей мере благоприятствуют тем, кто уже богат, – крупным буржуа. Эта критика отчасти применима к теории справедливой войны. Ее принципы зачастую излагают как нечто универсальное и очевидное, предполагая, что они восходят к некоей универсальной системе ценностей.

Другая стратегия критики морализма, наиболее ярко представленная у К. Шмитта, заключается в том, что перевод конфликта из плоскости политики в плоскость морали обостряет его беспредельно и неконтролируемо. Вместо борьбы двух государств за свое существование мы получаем конфликт Добра со Злом или «войну во имя мира» [Шмитт 2016, 371–372]. Политический конфликт по Шмитту интенсивен, он подразумевает возможность погибнуть, однако враг не воспринимается в качестве преступника или нравственного злого субъекта. Враг – такой же, как я, хоть мы с ним и находимся в состоянии войны [Шмитт 2016, 326]. Это

позволяет действовать умеренно и даже потенциально договориться с врагом о разделе сфер влияния. Если в политический конфликт привнесена нравственная компонента, возникает риск выхода конфликта из-под контроля. Если мы считаем врага недочеловеком, террористом или же нарушителем международного права, с ним невозможен диалог. В ряде случаев такой враг должен быть просто уничтожен. Таким образом, борьба, ведущаяся на нравственных основах, рискует приобрести абсолютный характер.

Своеобразным «идеалом» для реалистов может служить международное право Нового времени, описанное Шмиттом под названием «*ius publicum europaeum*» и основывавшееся на взаимном признании суверенитета государствами. Война в этой системе международных отношений была допустимым инструментом и представляла собой «судебный поединок», позволявший разрешить споры [Brown 2007; Kumankov 2015]. Как отмечает Крис Браун, Ганс Моргентау не был чужд ностальгии по старому порядку в европейской политике, который оказался разрушен демократической политикой, более чувствительной к вопросам морали [Brown 2007]. Своеобразная «криминализация» войны в международном праве и возросшая роль общественного мнения ограничили возможность разрешения некоторых конфликтов путем ограниченных боевых действий, проложив при этом дорогу трудно управляемым гуманитарным интервенциям и контртеррористическим операциям на чужой территории.

Итак, реализм небезосновательно критикует теорию справедливой войны, указывая на целый ряд ее недостатков. Теории справедливой войны действительно имеют спорные и неоднозначные нравственные основания, которые могут служить ширмой для корыстных интересов либо создавать риск превращения конфликта в неконтролируемый «крестовый поход». Парадоксальным образом политический реализм не может предложить взамен лучшую нормативную систему. Нормативные тезисы реализма, касающиеся войны, можно изложить следующим образом. Во-первых, войны нельзя отменить, поэтому к войнам следует быть готовым. Возможны ситуации, в которых война выгоднее, чем попытка ее избежать. Во-вторых, война является допустимым, хотя и крайним, средством проведения политики. В-третьих, война должна быть подчинена политическим интересам (в са-

мой общей формулировке – приумножению власти/могущества) и проводится как можно более умеренно.

Эти тезисы, несмотря на общую разумность, могут быть так же опасны, как принципы справедливой войны. Особенно опасны они, если политический деятель разделяет и основные установки реализма о природе человека, природе международной системы. Представление о том, что в международной политике доверие невыгодно и следует опираться только на силу, функционирует как самоисполняющееся пророчество. Это верно даже в тех случаях, когда лишь несколько государств мыслят подобным образом, вынуждая остальных участников международной системы подстраиваться под их опасное поведение. Одна из главных концепций объяснения войны в неореализме – дилемма безопасности, или «ловушка Фукидида» [Allison 2017], – показывает, что невыгодна ни одна стратегия государств. Отказ от укрепления обороноспособности сделает страну уязвимой для всех соседей. Участие же в гонке вооружений представит государство более опасным в глазах соседей и подстегнет милитаризацию. Нарращивание конвенциональных вооружений, судя по всему, не является эффективным сдерживающим фактором. Как показывает ряд эмпирических исследований, гонка вооружений положительно коррелирует с переходом конфликта в фазу вооруженного столкновения [Vasquez 2009, 200–202; Houweling, Siccama 1981].

На сегодняшний момент действительно эффективным фактором сдерживания является ядерное оружие, распространение которого поддерживал К. Уолц [Waltz 2012]. Время от времени, однако, высказывается мнение о том, что ядерное оружие не способно гарантировать полное уничтожение противника, а потому является сдерживающим фактором лишь из-за искажений в восприятии. В случае, если на практике подтвердится такая «безвредность» ядерного оружия, его применение станет обыденной практикой, которая увеличит разрушительность войн, но уже не сдержит их. Одним из новейших обсуждений такой точки зрения представляется статья В. Алексеева для сайта Российского совета по международным делам и развернувшаяся вокруг нее полемика [Алексеев 2019; Арбатов 2019].

Как отмечают упомянутый выше Г. Элисон и Р.Н. Лебоу, эффективность сдерживания покоится прежде всего на доброй воле сторон и только затем – на объективных факторах, в число которых входит военная сила [Lebow 1987; Lebow 2008, 88–93].

В работе 1987 года о ядерных кризисах Лебоу подчеркивает, что механизмы ядерного сдерживания имели ряд недостатков, таких как технические ошибки в системах оповещения, готовность военных применять ядерное оружие для «демонстрации решимости» или делегирование возможности принятия решения о ядерном ударе. Все эти факторы делают более вероятным обмен ядерными ударами, и только сдержанность высших лиц США и СССР, готовность пойти на переговоры, привели к тому, что ядерной войны не случилось. Сходного мнения придерживается А. Фененко, выдвинувший гипотезу о том, что ядерное сдерживание работает лишь потому, что у великих держав пока что не было поводов к обычной широкомасштабной войне [Фененко 2019].

Таким образом, единственный объективный, «реальный» фактор сдерживания войны, который предлагает реализм, работает весьма ограниченно. Более того, если участники международных отношений убеждены в онтологических тезисах реализма, они будут менее склонны к переговорам и уступкам. Два других утверждения реализма – о подчинении войны интересам и об умеренности – также малоприменимы на практике. Подчинение войны интересам государства требует понимания, в чем эти интересы заключаются. Даже такие широко раскритикованные реалистами войны, как война во Вьетнаме или вторая кампания США в Ираке, на момент своего начала обосновывались соображениями сохранения сферы влияния и безопасности. Возможность понять собственные интересы неправильно либо слишком широко, делает эту рекомендацию реализма малополезной. Точно так же и «умеренность» является крайне расплывчатым понятием, которое не налагает строгих ограничений, а потому допускает эскалацию конфликта до предела. Не будет серьезным преувеличением сказать, что эти рекомендации реализма по содержанию пересекаются с такими принципами справедливой войны, как «достаточное основание», «вероятность успеха» или «пропорциональность», но являются более расплывчатыми и подаются не как нравственные или правовые принципы, но как выводы из объективной науки о том, как устроено политическое на самом деле.

Заключение

Реализм претендует на то, чтобы быть теорией, беспристрастно описывающей политику. Этот пафос пронизывает работы ре-

листов первой половины XX века и восходит к Н. Макиавелли, который стремился показать, как обстоят дела на самом деле, чтобы уберечь политиков от ошибок, связанных с неосторожным и неосмотрительным преследованием возвышенных идеалов. Для реалистов XX века одним из таких опасных идеалов является идеал мира без войны, следование которому приведет либо к потере бдительности, либо к разрушительной войне за установление вечного мира. С этим связано то, как реализм понимает войну.

Реализм рассматривает войну как крайне интенсивное выражение конфликтов по поводу власти и могущества, которые всегда присутствуют в обществе и не могут быть устранены. Такое понимание войны подразумевает, что война всегда возможна и не может быть устранена без изменений настолько фундаментальных, что о них нет смысла рассуждать всерьез. Из осознания «неизбежности войны» следуют своеобразные «нормы», принципы войны, которые можно противопоставить другим нормативным теориям войны, прежде всего теории справедливой войны.

Как показано выше, реализм в конечном итоге не слишком отличается от теории справедливой войны, чтобы быть полноценной альтернативой, если таковая требуется. Хотя реализм может быть использован для беспристрастной критики теории справедливой войны за умолчание в отношении собственных оснований, за расплывчатость принципов и возможность злоупотреблений, сам он обладает теми же недостатками. Во-первых, реализм претендует на то, чтобы быть объективным описанием и объяснением реальности, однако он регулярно выступает в качестве нормативной теории со специфической системой ценностей. Во-вторых, такие принципы как «подчинение войны политическим интересам» и «умеренность» не менее расплывчаты, чем принципы теории справедливой войны, и позволяют ошибаться и злоупотреблять в неменьшей степени.

Трудно говорить о том, должен ли быть реализм исправлен, и если да, в какой степени. При всех своих проблемах, он обладает рядом достоинств, которые необходимо сохранить. В их число входит представление о политике как особой сфере человеческой деятельности, которая не может быть устранена и которая имеет собственные законы. Другим достоинством является осознание реализмом ограниченности как моральных, так и научных теорий: первые выдают частные ситуативные системы ценностей за универсальные, тогда как последние опираются на конкретную моральную

систему, претендуя на беспристрастность и объективность. К сожалению, реализм сам в значительной степени страдает от второй проблемы. С одной стороны, реалисты навязывают политическую систему ценностей, в которой место верховной ценности занимает могущество. С другой стороны, реализм основывает эту систему ценностей на безапелляционных утверждениях о природе человека или свойствах международной системы, которые не всегда удается верифицировать. Попытки преодолеть эти ограничения предпринимают Майкл Уильямс с его проектом «своенравного реализма» (willful realism) и Р.Н. Лебоу с его программой «культурной теории международных отношений». Оба эти исследователя, взяв за основу тезис о реальности политики и методологию Г. Моргентау, пытаются сблизить реализм с социальным конструктивизмом и расширить его инструментарий, анализируя политику с точки зрения сразу нескольких систем ценностей. Как нам кажется, дальнейшее «расширение» реализма, включение его в более широкий контекст социальных наук и сближение с другими школами теории международных отношений может стать основой для гибкой и практичной нормативной теории войны.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2019 – *Алексеев В.* Миф ядерного сдерживания // Российский совет по международным делам. 2019, 15 марта. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/mif-yadernogo-sderzhivaniya/>

Арбатов 2019 – *Арбатов А.Г.* Миф выживания в ядерной войне // Российский совет по международным делам. 2019, 18 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mif-vyzhivaniya-v-yadernoy-voyne/> (дата обращения: 08.10.2020)

Арон 2000 – *Арон Р.* Мир и война между народами. – М.: NOTA BENE, 2000.

Белозёров 2018 – *Белозёров В.К.* Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России. – М.: Институт Наследия, 2018. С. 106–123.

Бордачев 2020 – *Бордачев Т.В.* Долгая Правота Реализма // Россия в глобальной политике. 2020, 4 апреля. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dolgaya-pravota-realizma/>

Клаузевиц 1998 – *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Логос, 1998.

Кокошин 2013 – *Кокошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

Крастев 2020 – *Крастев И.* Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. 2020, 24 марта. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/>

Ленин 1969 – *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политиздат, 1969.

Хрусталева 2010 – *Хрусталева М.А.* Методология системного исследования мировой политики // Современная мировая политика: прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.: Аспект пресс, 2010. С. 100–121.

Шмитт 2016 – *Шмитт К.* 2016. Понятие политического. Слово о сущем. – СПб.: Наука, 2016.

Фененко 2019 – *Фененко А.* Эффективно ли ядерное сдерживание? // Российский совет по международным делам. 2019, 26 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/effektivno-li-yadernoe-sderzhivanie/>

Allison 2017 – *Allison G.T.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

Behr, Heath 2009 – *Behr H., Heath A.* Misreading in IR Theory and Ideology Critique: Morgenthau, Waltz and Neo-Realism // Review of International Studies. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 327–349.

Brown 2007 – *Brown C.* “The Twilight of International Morality?” Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the *Jus Publicum Europaeum* // Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations. – Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 42–61.

Fukuyama 1992 – *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992.

Gilpin 1987 – *Gilpin R.* War and Change in World Politics. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1987.

Hobson 1975 – *Hobson J.A.* Imperialism: A Study. – New York: Gordon Press, 1975.

Houweling, Siccama 1981 – *Houweling, H.W., Siccama J.G.* The Arms Race war Relationship: Why Serious Disputes Matter // Arms Control. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 157–197.

Kumankov 2015 – *Kumankov A.* Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Critique of Just War Theory // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4. P. 77–91.

Lebow 1987 – *Lebow R.N.* Nuclear Crisis Management: A Dangerous Illusion. – Ithaca: Cornell University Press, 1987.

Lebow 2008 – *Lebow R.N.* A Cultural Theory of International Relations. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008.

Mearsheimer 2003 – *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. – New York: Norton, 2003.

Moral Constraints... 2008 – Moral Constraints on War: Principles and Cases / ed. by. B. Coppieters, N. Fotion. – Lanham: Lexington Books, 2008.

Morgenthau 1949 – *Morgenthau H.J.* The Primacy of the National Interest // The American Scholar. 1949. Vol. 18. No. 2. P. 207–212.

Morgenthau 1950 – *Morgenthau H.J.* The Mainsprings of American Foreign Policy: The National Interest vs. Moral Abstractions // American Political Science Review. 1950. Vol. 44. No. 4. P. 833–854.

Morgenthau 1962 – *Morgenthau H.J.* Love and Power // Commentary. 1962. Vol. 33. No. 3. P. 247–251.

Morgenthau 1974 – *Morgenthau H.J.* Scientific Man vs. Power Politics. – Chicago: University of Chicago Press, 1974.

Morgenthau 1997 – *Morgenthau H.J.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. – Singapore: McGraw-Hill, 1997.

Morgenthau 2012 – *Morgenthau H.J.* The Concept of the Political. – London: Palgrave Macmillan, 2012.

Niebuhr 2013 – *Niebuhr R.* Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics. – Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2013.

Orend 2019 – *Orend B.* War and Political Theory. – Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2019.

Schuett 2007 – *Schuett R.* Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics // History of the Human Sciences. 2007. Vol. 20. No. 4. P. 53–78.

Vasquez 2002 – *Vasquez J.A.* Realism and the Study of Peace and War // Realism and Institutionalism in International Studies / ed. by M. Brecher, F.P. Harvey. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002. P. 52–71.

Vasquez 2009 – *Vasquez J.A.* The War Puzzle Revisited. – New York: Cambridge University Press, 2009.

Waltz 2001 – *Waltz K.N.* Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. – New York: Columbia University Press, 2001.

Waltz 2007 – *Waltz K.N.* Theory of International Politics. – Boston: McGraw-Hill, 2007.

Waltz 2012 – Waltz K.N. Why Iran Should Get the Bomb: Nuclear Balancing Would Mean Stability // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. No. 4. P. 2–5.

REFERENCES

Alekseyev V. (2019) The Myth of Nuclear Deterrence. *Russian International Affairs Council*. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/mif-yadernogo-sderzhivaniya> (in Russian).

Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Arbatov A. (2019) The Myth of Survival in Nuclear War. *Russian International Affairs Council*. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mif-vyzhivaniya-v-yadernoy-voynе> (in Russian).

Aron R. (2000) *Peace and War: A Theory of International Relations*. Moscow: NOTA BENE, 2000 (Russian translation).

Behr H. & Heath A. (2009) Misreading in IR Theory and Ideology Critique: Morgenthau, Waltz and Neo-Realism. *Review of International Studies*. Vol. 35, no. 2, pp. 327–349.

Belozеров V.K. (2018) Image of Future in Political Ideologies and State Strategies. In: Rastorguyev V.N. & Nikandrov A.V. (Eds) *The Choise of Long-term Strategy in the Context of Global Instability and Civilizational Heritage of Russia* (pp. 106–123). Moscow: Institut Naslediya (in Russian).

Bordachev T. (2020) The Enduring Truth of Realism. *Russia in Global Affairs*. Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/dolgaya-pravota-realizma> (in Russian).

Brown C. (2007) “The Twilight of International?” Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the Jus Publicum Europaeum. In: Williams M. (Ed.) *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations* (pp. 42–61). Oxford: Oxford University Press.

Clausewitz C. (1998) *On War*. Moscow: Logos (Russian translation).

Coppieters B. & Fotion N. (Eds.) (2008) *Moral Constraints on War: Principles and Cases*. Lanham: Lexington Books.

Fenenko A. (2019) Is Nuclear Deterrence Effective? *Russian International Affairs Council*. Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/effektivno-li-yadernoe-sderzhivanie/> (in Russian).

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Gilpin R. (1987) *War and Change in World Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Hobson J.A. (1975) *Imperialism: A Study*. New York: Gordon Press.

Houweling H.W. & Siccama J.G. (1981) The Arms Race war Relationship: Why Serious Disputes Matter. *Arms Control*. Vol. 2, no. 2, pp. 157–97.

Khrustalev M.A. (2010) Methodology of System Research of World Politics. In: Bogaturov A.D. (Ed.) *Modern World Politics: Applied Analysis* (pp. 100–121). Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Kokoshin A.A. (2013) *Military Dimension of Political and Strategic Issues of Russian State Security and International Security*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Krastev I. (2020) The First Seven Lessons of Global Coronavirus Crisis. *Russia in Global Affairs*. Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa> (in Russian).

Kumankov A.D. (2015) Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Critique of Just War Theory. *Russian Sociological Review*. Vol. 14, no. 4, pp. 77–91.

Lebow R.N. (1987) *Nuclear Crisis Management: A Dangerous Illusion*. Ithaca: Cornell University Press.

Lebow R.N. (2008) *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lenin V.I. (1969) Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. In: Lenin V.I. *Complete Works* (Vol. 27). Moscow: Politizdat (in Russian).

Mearsheimer J. (2003) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, NY: Norton.

Morgenthau H.J. (1949) The Primacy of the National Interest. *The American Scholar*. Vol. 18, no. 2, pp. 207–212.

Morgenthau H.J. (1950) The Mainsprings of American Foreign Policy: The National Interest vs. Moral Abstractions. *American Political Science Review*. Vol. 44, no. 4, pp. 833–854.

Morgenthau H.J. (1962) Love and Power. *Commentary*. Vol. 33, no. 3, pp. 247–251.

Morgenthau H.J. (1974) *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press.

Morgenthau H.J. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.

Morgenthau H.J. (2012) *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan.

Niebuhr R. (2013) *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press.

Orend B (2019) *War and Political Theory*. Medford, MA: Polity Press.

Schuett R. (2007) Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics. *History of the Human Sciences*. Vol. 20, no. 4, pp. 53–78.

Schmitt K. (2016) *The Concept of the Political*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Vasquez J.A. (2002) Realism and the Study of Peace and War. In: Brecher M. & Harvey P.F. (Eds.) *Realism and Institutionalism in International Studies* (pp. 52–71). Ann Arbor: University of Michigan Press.

Vasquez J.A. (2009) *The War Puzzle Revisited*. New York: Cambridge University Press.

Waltz K.N. (2001) *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York: Columbia University Press.

Waltz K.N. (2007) *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill.

Waltz K.N. (2012) Why Iran Should Get the Bomb: Nuclear Balancing Would Mean Stability. *Foreign Affairs*. Vol. 91, no. 4, pp. 2–5.